

№ 44

Окончание статьи М. Чокаева

«Против одной “научной” лжи (К 14-й годовщине Кокандской автономии)»

Февраль 1932 г.¹

В основе всякой организации, будь это даже воровская шайка, лежит определенная идея и программа, и самое наличие организации предполагает, что ее создатели руководствовались какой-то определенной идеей и решили действовать определенным образом, т.е. имели какую-то программу действий. Можно спорить и отрицать жизненность идеи, можно спорить и отрицать своевременность и выполнимость данной программы. Но отрицать начисто за организацией идею и программу — это все равно, что отрицать наличие души у живого существа. Так именно поступает Закки-бей, когда он пишет, что «у Кокандского правительства не было никакой определенной идеи и программы». Закки-бей ведь не отрицает, что в Коканде была провозглашена автономия и было образовано Временное правительство для проведения в жизнь этой самой автономии. Следовательно, у этого правительства была вполне определенная идея — автономия. Но почему Закки-бей отрицает эту очевидную даже для самых невежественных дураков истину? Это насчет идеи. А вот насчет программы. Ведь Закки-бей сам пишет, что «Кокандское правительство находилось всецело под влиянием капиталистов». Следовательно, оно должно было проводить в жизнь программу господ капиталистов. В чем же другом должно было выразиться «влияние капиталистов на Кокандское правительство», если не в проведении в жизнь их идеи и программы? И Закки-бей, именуя себя левым социалистом* (о, несчастный социализм!), логически должен был обвинять Кокандское правительство во «внеклассовом» национализме, в служении интересам капиталистов, но отнюдь не в отсутствии какой бы то ни было программы. И эту самоочевидную нелепость Закки-бей совершает вполне сознательно. «Ложь узнается по следам», — говорят у нас. Так вот по этим «следам» своих «исторических выдумок» Закки-бей, может быть, и догадается, наконец, что, отрицая у Кокандского правительства наличие какой бы то ни было идеи и программы, он просто-напросто наврал.

Но подойдем к вопросу о программе по существу. Надо уметь различать программу временных автономных правительств в переходное, революционное время от программы стабильных правительств в нормальное время. Временные автономные правительства крайне ограничены в своей программе. Программа Кокандского правительства была намечена в общих чертах IV Чрезвычайным национальным конгрессом и заключалась прежде всего в подготовке страны к созыву Туркестанского Учредительного собрания. Съезд же поручил правительству обсудить вопрос о Юго-Восточном союзе казачьих войск, куда нас приглашал вступить политический союзник Закки-бея — оренбургский атаман Дутов. Кокандское правительство сейчас же по своему сконструированию выработало программу своей деятельности и постановило приступить немедленно: к организации вооруженных сил (народная милиция), финансов, нового порядка налогового обложения, к организации автономного управления. И т.д. <Я не могу назвать, из скольких пунктов состояла программа Кокандского правительства, а перечислю только наиболее значительные пункты...>

Что же успело сделать за время своего двухмесячного существования Кокандское правительство? И мало и много. Мало — в соответствии с требованиями исторического момента. Много — если принять во внимание почти что полное отсутствие технически подготовленных в соответствии с теми же требованиями исторического момента лиц из туркестанцев.

Правительство выработало и провело через Временный народный совет закон о выборах в Туркестанское Учредительное собрание, срок созыва которого был назначен на 20 марта 1918 г. По вопросу о Юго-Восточном союзе правительство командировало меня в Оренбург. 25 декабря

* <В одной из своих работ, где изложено все его политико-моральное кредо, Закки-бей пишет, что «классовый антагонизм существовал в Туркестане и до оккупации его русскими и определял, как на Западе, всю жизнь Туркестана». И эту свою антинаучную, антиисторическую потому и антинациональную точку зрения Закки-бей в письме на имя «глубокоуважаемого товарища Сталина» (Анкара, 24.XII.1925) выставляет, как смягчающее его вину перед сов. властью обстоятельство. Замечу лишь, что Сталину и другим «товарищам» Закки-бей стал писать после своей торжественной клятвы не иметь больше никаких связей с большевиками и официально числясь руководителем Туркестанской нац[иональной] организации.> *Прим. док.*

* <Закки-бей очень любит перечислять, из скольких пунктов состояла та иная программа. Например, «21-пунктная программа», «19-пунктная», «7-пунктная» и между этими пунктами он потом разбирает свою новую программу, выдавая ее непосвященным в его «исторические фокусы» за подлинную.> *Прим. док.*

я представил правительству доклад, в результате которого было решено отказаться от вступления в Юго-Восточный союз*.

Чрезвычайные трудности встретились на пути организации вооруженной силы. У нас не было ни одного офицера из коренных туркестанцев. Те 4–5 офицеров-туркестанцев, которые имелись в русской армии, не были с нами. С двумя молодыми и совершенно неопытными офицерами-татарами и двумя офицерами-поляками при начальнике штаба формирования офицере-поляке² мы приступили к организации военной силы. Нам приходилось за бешеные деньги покупать каждую винтовку, каждый патрон. Денег у нас было очень мало, и, как свидетельствует сам Закки-бей, капиталисты нам денежной поддержки не оказывали. И, не надеясь на успех вооруженной борьбы с русской оккупационной Красной армией, мы искали других путей утверждения своего права на автономию. Так всегда бывает: когда нет силы завоевать или отстоять свое право, приходится взывать к справедливости, к праву, которые, увы, зачастую больше прислушиваются к буханию пушек, чем к воплям и стонам слабых и угнетенных народов. Кокандское правительство добилось объединения всех туркестанцев вокруг знамени автономии — крестьян, рабочих и духовенство. Больше того, правительство добилось его признания и со стороны многих государственных учреждений. Так, например, вся Фергана была переведена на автономное управление, и даже суд совершался «По указу Временного правительства автономного Туркестана». Такие учреждения, как Контрольная палата, Государственный банк, Судебная палата в принципе приняли позицию и программу автономии. Мы отлично сознавали, что не все признавали автономное правительство «по велению совести», а из расчета на больший успех борьбы против большевиков. Но то, что вчера еще не признававшие за нами — туркестанцами никаких особых национальных прав русские государственные учреждения сегодня решили идти под знамя автономии Туркестана, свидетельствовало о сознании ими потери под ногами почвы прежнего русского великодержавия. Правда, на смену этому старому националистическому великодержавию шло новое революционное русское великодержавие — то, которому Закки-бей «служил [...] не под палкой, а по своему доброму желанию»³. Но это не меняло существа дела. Автономное правительство предстало центром движения и борьбы. Оно стало знаменем борьбы против красного российского империализма. В этом была сила идеи, которой руководилось Кокандское правительство.

Не меньшую трудность представляла для Кокандского правительства организация финансов. Правительство шло на крайние средства. Было постановлено произвести выемку денег из отделения Государственного банка в Коканде. И если это постановление не было приведено в действие, то только благодаря сопротивлению и настоящему «саботажу» одного из членов правительства, который из-за этого вопроса, в конце концов, вышел из его состава⁴. По предложению члена правительства Шах-Ахмедова правительство приступило к выпуску краткосрочного займа на сумму в 30 миллионов рублей. Облигации займа, отпечатанные на местной бумаге, выработанной в Коканде же, были пущены в оборот, и подписка шла самым успешным образом. Все ферганские отделения Государственного банка и частные банки подписывались на огромные суммы. Подписывался и самаркандский Государственный банк. Большевицкий историк Алексеенков лжет, когда пишет, что будто «заем проводился при помощи решительного административного нажима»⁵. Никакого «нажима» не было: подписка шла совершенно добровольно.

Обнаружившийся успех займа крайне встревожил большевиков. Один из них, по имени Кузьмин⁵, напечатал статью, где предупреждал о возрастающей для советской власти в Туркестане опасности со стороны Кокандского правительства. Кузьмин предупреждал своих товарищей, что «Кокандская автономия — это не шутка, что выпущенный Кокандским правительством заем обнаруживает серьезность намерений Кокандского правительства и что это является опасностью не только для советской власти, но и для русского владычества в Туркестане вообще. И призывал своих товарищей к решительной борьбе против Кокандского правительства...

* Большевики продолжают лгать, что будто Кокандское правительство вступило в Юго-Восточный союз.
Прим. док.

См. письмо Закки-бея на имя полномочного представительства СССР в Берлине от 12 апреля 1924 г. Этим своим заявлением Закки-бей в корне опровергает наше основанное на его же словах предположение о том, что его переход на сторону большевиков был продиктован печальной необходимостью. < Надо отметить, что как это, так и письма на имя «глубокоуважаемого товарища Сталина» Закки-бей подписывает приятным для большевиков званием «б[ывшего] председ[ателя] Революцион[ного] к[омитет]а Башкирской Советской Республики». > *Прим. док.*

² См. сборник «Революция в Средней Азии», стр. 56. *Прим. док.*

³ *Далее зачеркнуто* затея Ходжаева, Шах-Ахмедова, Чокаева.

⁴ *Далее зачеркнуто* автономистов.

<Члены советского правительства д-р Успенский и Колесов выступили с официальными заявлениями о том, что сов. правительство само созовет Туркестанское Учредительное собрание, что оно даст Туркестану настоящую автономию. Другими словами, большевики решили бороться с нами на почве и идеи и программы, т.е. на почве того, что за Кокандским правительством отрицает Закки-бей>.

Тревогу большевиков усилило еще то, что Кокандское правительство вело переговоры с возвращавшимися с Кавказского фронта семиреченскими казаками о покупке у них оружия. Если бы не поспешная неосторожность со стороны большинства наших товарищей, неосторожность, давшая большевикам легкий и весьма удобный повод для провокации, вполне возможно, что переговоры наши о покупке оружия увенчались бы успехом. По крайней мере, все симптомы давали надежду на успех...

Для выработки проекта закона о новых порядках налогового обложения правительство созвало совещание податных инспекторов... Под руководством министра народного просвещения Насыр-хана⁶ шла работа по организации начальной школы и выработке закона о порядке использования вакуфных имуществ... Министр продовольствия Абиджан⁷ был командирован на Северный Кавказ для организации доставки хлебных продуктов. Министр земледелия Юргули-Агаев⁸ готовил материалы для нового земельного закона, основа которого была выработана, в общих чертах, в последних числах декабря.

Но мы — Кокандское правительство — потерпели поражение. Наши враги — большевики признавали за Кокандским правительством наличие и определенной идеи и определенной программы и против этой определенной идеи и программы они боролись. И русские штыки нас победили. Победили те самые штыки, которым, по собственному признанию Закки-бея, он пошел служить «не под палкой, а по своему доброму желанию»... Член советской делегации, приехавшей в Коканд, после разгрома этого города Красной гвардией, инженер Крутиков предупреждал большевиков быть крайне осторожными и не поддаваться слишком радости и гордости победителей, ибо идея национальной автономии, которой служило низвергнутое Кокандское правительство, и кратковременная деятельность этого правительства оставили слишком глубокие следы в народе...

<13 декабря 1917 г. в Ташкенте была устроена всенародная демонстрация в пользу автономии, в защиту идеи и программы Кокандского правительства. Большевики не могли противостоять желанию всего народа, и сами председ[атель] совнаркома Колесов и его заместитель д-р Успенский выезжали к демонстрантам, произносили миролюбивые речи, говорили и об их готовности созвать ТУС⁹. И только поздно вечером, когда демонстранты возвращались в старый Ташкент, большевики из-за засады открыли по ним стрельбу из пулеметов. Убитых и раненых за идею и программу Керенского правительства насчитывалось десятками...>

Да, много туркестанской крови было пролито и много жизней туркестанцев отдано за идею и программу Кокандского правительства. И теперь в книге, посвященной Туркестану, Закки-бей плюет и на это море туркестанской крови и на эти горы трупов туркестанцев и, закрыв «глаза и уши своей совестью», пишет: «У Кокандского правительства не было никакой определенной идеи и программы».

Нет, не Закки-бей, бывший членом и даже руководителем Туркестанской национальной организации, не Закки-бей — ныне профессор* турецкого университета, а Закки-бей — «бывший председ[атель] Революционного к[омитет]а Башкирск[ой] Советской Республики», Закки-бей — автор позорящих честь и человеческое достоинство всякого национального деятеля писем на имя большевистских послов Крестинского¹⁰ и Сурица¹¹, на имя «глубокоуважаемого товарища Сталина», написал такую оскорбляющую память убитых в Коканде и Ташкенте за идею и программу Кокандского правительства тысяч туркестанцев ложь и клевету.

Чокай-оглы Мустафа

Постскриптум: Закки Велиди-бей в своем письме на имя «глубокоуважаемого товарища Сталина» (см. предыдущий номер «Яш Туркестан», писал: «Я еще ничего же не сделал за границей такого, что могло бы вызвать репрессию по отношению моей семьи и родителей»¹². Теперь Закки-бей после большевистской лжи о Кокандской автономии, написанной им в своей книге, получил право на компенсацию от Сталина.

РГВА. Ф. 461-к. Оп. 1. Д. 417. Л. 45–51. Подлинник. Машинотпись с исправлениями М. Чокаева.

¹ Дата опубликования в журнале «Яш Туркестан» (1932. № 27). Текст этой статьи на современном казахском языке см.: Мустафа Шокай. Тандамалы. 1-ші том. Алматы, 1998. 232–234 бб.

* Далее зачеркнуто Стамбульского.

² Позднее М. Чокаев писал о нем, что он был полковником Генерального штаба, «прекрасный и исключительно преданный нашему делу офицер» (*Чокаев М.* Отрывки из воспоминаний о 1917 г. Токио-М., 2001. С. 16).

³ Цитируется фраза из письма А.-З. Валидова Н.Н. Крестинскому от 12 апреля 1924 г. (Из истории российской эмиграции... С. 21–22).

⁴ Имеется в виду М. Тынышпаев.

⁵ Кузьмин А.Н.

⁶ Тюрязев Насыр-хан (1871–1930) — мулла, богослов, в 1917–1918 гг. член Временного Народного Совета автономного Туркестана, министр просвещения правительства автономного Туркестана, депутат Всероссийского Учредительного собрания.

⁷ Махмудов Абиджан — горнопромышленник, предприниматель, один из лидеров джадидов, зам. председателя Кокандской городской думы, член Временного Народного Совета автономного Туркестана (1917–1918 гг.).

⁸ Юргули-Агаев Худаят-бек (1880–1918) — ученый-агроном, в 1917–1918 гг. член Всероссийского Учредительного собрания, член Временного Народного Совета автономного Туркестана, министр землеустройства и водопользования правительства автономного Туркестана.

⁹ Туркестанское Учредительное собрание.

¹⁰ Крестинский Николай Николаевич (1883–1938) — советский партийный и государственный деятель, в 1921–1930 гг. полпред РСФСР (СССР) в Германии.

¹¹ Суриц Яков Захарович (1882–1952) — в 1919–1921 гг. советский полпред в Афганистане, в 1921–1922 гг. член Туркестанской комиссии ВЦИК и уполномоченный Наркомата иностранных дел РСФСР по Туркестану и Средней Азии, в 1923–1934 гг. полпред в Турции.

¹² Ср.: «Я еще ничего же после этого не сделал за границей такого, что могло вызвать репрессии по отношению к моей семье и родителям...» (*Исхаков С.М.* Ахмед-Закки Валидов... С. 153).